

«РУССКИЙ СЛОВАРЬ ЯЗЫКОВОГО РАСШИРЕНИЯ» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Никитин О. В.

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

А н н о т а ц и я . Целью статьи является анализ концепции «Русского словаря языкового расширения» А. И. Солженицына в русле отечественной лексикографической традиции. Подчеркивается преемственность автора в составлении тезаурусов как источников по обогащению речи старинными словами и выражениями, вышедшими из регулярной коммуникативной практики. Отмечается роль В. И. Даля как составителя первого компендиума «живого великорусского языка». Говорится о его влиянии на идейный замысел книги А. И. Солженицына, унаследовавшего классические принципы филологической работы с языком как феноменом национальной культуры. Обращается внимание на роль экстралингвистических факторов в подготовке данного издания. В ходе достижения поставленной цели применяются следующие методы: сравнительный, семантический, социолингвистический и текстологический. Они позволили выявить особенности идиостиля А. И. Солженицына-языковеда, показать оригинальность метода отбора и характеристики словарных единиц, охарактеризовать особенности жанра авторской лексикографии и определить его роль в лингвистической науке конца XX–XXI вв. В статье анализируются концептуальные черты этого издания: состав и структура заимствованного из XIX в. словника, необходимость его дополнения и оживления народно-образными, окказиональными и литературными элементами из наследия русских поэтов и писателей XIX–XX в., краткость описания семантики, наличие бранных слов и т. п. Для контекстуального сравнения в статье используются фрагменты писем А. И. Солженицына. Проводится мысль о необходимости бережного отношения к изобразительно-выразительной стороне языка, восстановлению и сохранению утраченных фрагментов бытовой речи прошлого как фактов традиционной словесной культуры. Говорится об актуальности книги как успешном опыте метафилологического осмысления и реставрации лингвистической классики. Результаты проведенного исследования могут использоваться в теории и практике создания экспериментальных словарей, в герменевтике, в историко-культурном изучении лексикографического наследия XIX–XX вв. и мотивировать ученых к поиску новых идей и методов анализа текстов, представляющих интерес для формирования базовых ценностей национальной языковой картины мира.

К л ю ч е в ы е с л о в а : авторская лексикография; диалект; культура языка; историзмы; архаизмы; филологическая герменевтика; языковая картина мира; лексикографы; русские писатели; лексикографические эксперименты; русский язык

A. I. SOLZHENITSYN'S "RUSSIAN DICTIONARY OF LANGUAGE EXPANSION" AS A LEXICOGRAPHICAL EXPERIMENT

Oleg V. Nikitin

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

A b s t r a c t . The purpose of the article is to analyze the concept of the "Russian Dictionary of Language Expansion" by A. I. Solzhenitsyn in line with the national lexicographic tradition. The article emphasizes the author's continuity in the compilation of thesauruses as sources for enriching speech with obsolete words and expressions that have come out of regular communicative practice. It notes the role of V. I. Dahl as the author of the first dictionary of "The Living Great Russian Language" and his influence on the basic idea of the book by Solzhenitsyn, who inherited the classical principles of philological work with language as a phenomenon of national culture. Attention is drawn to the role of extralinguistic factors in the preparation of this publication. The study employs the following methods: comparative, semantic, sociolinguistic and textual. They have made it possible to identify the idiosyncrasies

of Solzhenitsyn as a linguist, to show the originality of the method of selection and characteristics of vocabulary units, to characterize the features of the genre of the author's lexicography works and to determine its role in linguistic science of the late 20th – early 21st centuries. The article analyzes the conceptual features of this publication: the composition and structure of the dictionary borrowed from the 19th century, the need to supplement and revive it with folk-figurative, occasional and literary elements from the heritage of Russian poets and writers of the 19th – 20th century, the concise character of the description of meanings, the presence of swear words, etc. Fragments Solzhenitsyn's letters are used for contextual comparison. The article formulates idea about the need to treat the visual and expressive side of the language carefully and to restore and preserve the lost fragments of everyday speech of the past as facts of traditional verbal culture. The urgency of the book is seen in it being a successful experience of metaphilological understanding and restoration of classical linguistic works. The results of the study can be used in the theory and practice of compiling experimental dictionaries, in hermeneutics, in the historico-cultural study of the lexicographic heritage of the 19th – 20th centuries. They can motivate scholars to search for new ideas and methods of analyzing texts presenting interest for the formation of the basic values of the national linguistic worldview.

Key words: authored lexicography; dialect; linguoculture; obsolete words; archaisms; philological hermeneutics; linguistic worldview; lexicographers; Russian writers; lexicographical experiments; Russian language

Для цитирования: Никитин, О. В. «Русский словарь языкового расширения» А. И. Солженицына как лексикографический эксперимент / О. В. Никитин // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 143–155. – DOI:10.51762/1FK-2021-26-04-13.

For citation: Nikitin, O. V. (2021). A.I. Solzhenitsyn's "Russian Dictionary of Language Expansion" as a Lexicographical Experiment. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 143–155. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-13.

1. Авторская лексикография как экспериментальный жанр.

В истории отечественной филологии авторская лексикография занимает особое место как оригинальный словарный жанр. Первые научные эксперименты в этой области начались в конце XIX в., когда русская гуманитарная наука достигла своего расцвета, а язык и творчество писателей того времени признавались уже классическими, хотя не бесспорными. Так, академик Я. К. Грот представил свой опыт в виде «Словаря к стихотворениям Державина» (1883).

Интерес к феномену образной речи повысился в XX в. в связи с изучением творчества А. С. Пушкина и выходом в свет четырехтомного «Словаря языка Пушкина» (1956–1961) – классического толкового лексикона нового типа. К этому времени уже была разработана теория подготовки подобных изданий в трудах В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Б. А. Ларина, Б. В. Томашевского, идеи которых явились отправной точкой для продолжения исследований в данном направлении.

Новый всплеск интереса к авторской лексикографии приходится на последние десятилетия XX в. и начало XXI в. В это время выходят десятки словарей разной культурной ценности, филологически осмысляющие прозу, поэзию и драматургию русских и советских деятелей искусства, местные говоры, интернет и другие источники для создания инди-

видуальных лексикографических проектов. В качестве материалов активно используются архивные данные, выборки из памятников древнерусской письменности, публицистики, компьютерные базы данных и т. д. Тезаурусы прошлых эпох также становятся предметом лингвистического исследования: от «Словаря Академии Российской» до «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах и даже «Словаря русских народных говоров». Эти монументальные книги интересуют ученых не только с концептуальной точки зрения, но и как объекты для изучения новых явлений в языке, объяснения исторических процессов и создания необычных по типам и исполнению лексиконов. Их к настоящему времени издано немало, назовем лишь несколько: «Словарь обидных слов» Л. В. Дуличенко (Тарту, 2000), составленный на основе «Словаря русского языка» в 4 томах под редакцией А. П. Евгеньевой, «Словарь новообразований Н. С. Лескова» Л. В. Алешиной (М., 2017), «Словарь детства: говоры Среднего Приобья (с лингвокультурологическим комментарием)» под редакцией М. М. Угрюмовой (Томск, 2018), многотомный «Словарь языка русской поэзии XX века» (публикуется с 2001 г.) (см. обзоры: [Шестакова 2011; 2021]) и мн. др.

Поэтому закономерен интерес А. И. Солженицына к авторской лексикографии XIX в., где духовное наследие России – народный образный «словотолк» – впервые так ярко и полно выразилось в тезаурусе «живого великорусского языка», воскрешавшего утраченное и забытое наречие (и не всегда в смысле диалекта). У В. И. Даля можно найти все: поэзию и прозу крестьянского быта, песенный фольклор, устные предания, шутки и каламбуры, названия предметов, праздников... Это «речесловие» справедливо называют сокровищницей, откуда черпают «авторство» многие писатели, растворяя в своих произведениях живой облик старины.

2. В. И. Даль и А. И. Солженицын в перекличке времен: филологическая рефлексия слова.

А. И. Солженицын не случайно обратился к изучению и филологической обработке «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля – первого в России крупного лексикографа-популяризатора народной словесной культуры, сделавшего ее достоянием науки и общества, а значит, поднявшего и духовные ориентиры славянства в целом. В. И. Даль совершил переворот в сознании современников, обратил их внимание на широкие возможности обыденной речи, богатство ее метафорики, оригинальную фразеологию, живой ассоциативный ряд многоликих говоров. Он увидел в ней связь с историческим прошлым – то, какими путями шло формирование русской культуры и нации. Эти идеи были близки и А. И. Солженицыну, хотя первоначально, как он написал, занимался Словарем В. И. Даля «для своих литературных нужд и языковой гимнастики» [Солженицын 1990: 3]. О методике работы с текстом писатель говорил в «Объяснении» к «Русскому словарю»: «...я сперва читал подряд все четыре тома Даля, очень внимчиво, и выписывал слова и выражения в форме, удобной для охвата, повторения и использования. Затем нашёл эти выписки ещё слишком громоздкими и стал из первой выжимки вытягивать вторую, а затем из второй третью» [Там же]. Можно предположить, что А. И. Солженицын учился у В. И. Даля богатству изобразительных форм русского языка

ка, которые наиболее ярко были представлены и отражены в фольклоре, в диалектах.

Нельзя сказать, что В. И. Даль был не популярен в советское время. Его творение и тогда было визитной карточкой обиходной словесности XIX столетия. Если принять во внимание, что А. И. Солженицын начал заниматься его обработкой с 1947 года, то можно предположить, что он использовал для пополнения копилки старорусских слов 1-е (1863–1866) и 2-е (1880–1882) издания, а также 5-е (1935), 6-е (1955) и многочисленные перепечатки последнего. Его могло заинтересовать и бодуэновское 3-е издание (1903–1909) как факт лингвистической обработки текста, в результате которой словник пополнился примерно двадцатью тысячами новых слов, среди которых были грубые и бранные и даже инвективы, что явилось причиной цензурного запрета переиздания этой версии в советский период. Заметим, что в «Русском словаре» А. И. Солженицына есть небольшой раздел «Некоторые бранные слова» [Солженицын 1990: 272]. Но все же полагаем, что писателя больше привлекало оригинальное издание, пусть и с опечатками, но сохранившее колорит эпохи, концепцию В. И. Даля и его филологическое провидение не просто как талантливого ученого, но и *писателя*, чуткого к благогласию народного слова, видевшего исконные элементы в языке, в письменной и устной речи. Вскользь А. И. Солженицын упомянул об этом в конце вступительной статьи: «...в I–II изданиях Даля бывают ошибки» [Там же: 6]. «Русский словарь», по признанию автора, в первую очередь предназначался молодым людям, «в ком сильна жажда к свежести родного языка, а насытить её – у них нет того многолетнего простора, который использовал я. И вообще для всех, кто в нашу эпоху оттеснён от корней языка затёртостью сегодняшней письменной речи» [Там же: 3].

И по времени работы над своими словарями В. И. Даль и А. И. Солженицын в чем-то похожи. Как известно, Владимир Иванович более пятидесяти лет собирал материалы для тезауруса. А. И. Солженицын обозначил дату начала «обработки далевского словаря» – 1947 год [Там же], а с 1975 г. заново стал прорабатывать словарь Даля, привлекая к нему и словный запас других русских авторов, прошлого века и современных <...>; также исторические выра-

жения, сохраняющие свежесть; и слышанное мною самим в разных местах – но не из штампов советского времени, а из коренной струи языка» [Там же]. Первое издание «Русского словаря» было осуществлено только в 1990 г., то есть спустя 43 года со времени начала увлечения В. И. Далем. Конечно, эти книги нельзя сравнивать в буквальном смысле – у них разные вес, функции, да и замыслы авторов не совпадали. Если В. И. Даль – собиратель и толкователь диалектов и образных речений народа (и не только русских по происхождению, в его издании есть и немало заимствований), то А. И. Солженицын выступает в роли *охранителя* слова – филологического реставратора культуры речи, и нацелен на *практическое* использование предложенных лексем, включение их в разговорную стихию и литературный язык нашего времени. Его интересовало «не в смысле „что живёт сегодня“, а – что ещё может, имеет право жить» [Там же].

«Русский словарь» А. И. Солженицына, основная часть которого создавалась в период его эмиграции, – это еще и публичное выступление писателя против «современного нахлына международной английской волны» [Там же] и таких «невыносимых слов», «как „уик-энд“, „брифинг“, „истеблишмент“ и даже „истеблишментский“», чего не наблюдалось во времена В. И. Даля. Но оба они – защитники родного слова, недаром А. И. Солженицын невольно подражал своему предшественнику, когда подбирая название словарю, один из вариантов которого звучал так: «*Живое* (курсив наш. – О. Н.) в нашем языке» [Там же].

Еще одна параллель с В. И. Далем заключается в смысле лексикографической работы над словом. Владимир Иванович создал настоящий тезаурус с обилием вариантов лексем и синонимов, их под смыслами, пространственными примерами употребления в разных ситуациях, даже латинскими вариантами названий. Он снабжен необходимым инструментарием научного издания: грамматическими и стилистическими пометами, указанием на географию распространения того или иного слова и др. Это был классический по концепции, хотя во многом авторский по исполнению, словарь, опиравшийся на лингвистические принципы составления лексиконов XIX в. (прежде всего «Словаря церковнославянского и русского язы-

ка» 1847 г. и *академического* «Опыта областного великорусского словаря» 1852 г.). А. И. Солженицына более интересовала *литературная* сторона проблемы – «языковое расширение» горизонта использования слова. И в этом отношении книга «имеет цель скорее *художественную* (курсив наш. – О. Н.)» [Там же].

Интересны в русле нашего исследования высказывания А. И. Солженицына о В. И. Дале, показывающие характер понимания им смысла лексикографической работы и фигуры выдающегося лексикографа XIX в. В письме Т. Г. Винокур от 31 мая 1964 г. он заявлял: «Взаимодействие мои с Далем несколько сложнее, чем Вы представили в своей работе (имеется в виду статья Т. Г. Винокур «О языке и стиле повести А. И. Солженицына „Один день Ивана Денисовича“», впервые опубликованная в 1965 г., см.: [Винокур 2008] – О. Н.). Если слово слышится в жизни, уж так ли важно проверять, есть ли оно у Даля? – оно уже имеет право быть. Самое важное, что дает мне давний (и постоянный) контакт с Далем, – это ощущение духа (разрядка автора. – О. Н.) языка. Когда удастся поддерживать в себе это ощущение (а удастся не всегда, для этого нужны некоторые условия) – то о любом словообразовании удастся легко судить – оно в духе языка или не в духе. Во втором случае его надо сразу отбросить, в первом сразу принять, не задумываясь над тем, есть ли оно в словаре или оно „новое“» [Капанадзе 1996: 309].

Здесь уместно привести мнение современного читателя «Русского словаря», невольно включившегося в эту беседу и подчеркнувшего главное в писательском восприятии слова (при всей его филологической зависимости от В. И. Даля): «Солженицынское толкование хотя и короче, но многозначительнее далевского: оно включает и те значения, которые приданы были этому слову XX веком и лагерным опытом самого Солженицына. Оно красноречиво даже своими умолчаниями. Из определения тюрю выпали „квас и лук“, как выпали из рациона тех, чьим основным питанием стала тюрю (недаром с начальной рифмой к слову „тюрюма“). „Навалить“ в жидкость стало нечего, а „накрошить“, возможно, и нечем (ножей не полагалось), – хорошо бы и просто „наклась“. „Натюриться“ в смысле „наестся“ тоже выпало не только из языкового, но и жи-

тейского обихода. Слово „натюрить“, поставленное в солженицынском словаре, приобретает смыслы, каких не имело у Даля, – как эмблема всего гулаговского мира, открытого нам Солженицыным, как слово-выжимка всего его творчества» [Эпштейн 2000: 129].

В воспоминаниях об А. И. Солженицыне присутствует любопытный сюжет, связанный с его лагерным прошлым: по свидетельству Б. В. Бурковского, находившегося вместе с будущим писателем в заключении, тот «часто лежа на нарах читал затрепанный том словаря Даля и записывал что-то в большую тетрадь» [Карпович 1974: 246].

Второе письмо А. И. Солженицына датируется 7 ноября 1965 г., то есть уже после опубликования статьи Т. Г. Винокур в «Вопросах культуры речи». В нем писатель снова затрагивает проблему языка, но в этот раз как бы оппонирует Т. Г. Винокур по поводу свойства *научного* стиля речи: «...мое глубокое убеждение, что и вообще в научном русском языке и особенно в языковедческих и литературно-критических работах можно вполне выражаться прозрачно по-русски, используя иностранные термины как можно умереннее, лишь самые необходимые. Я уверен, что можно вполне найти достойную замену таким выражениям, как: экспрессивно-стилистически интерпретируется, контаминация, фразеологизм, эстетически-осмысленная типизация, ассоциирование (не-ассоциация), и только станет приятнее, легче читать, и увеличится круг возможных читателей» [Там же: 310].

Эти же принципы он реализовал и в «Русском словаре», который насытил «духом языка», избежав всевозможных неологизмов, современных понятий – идеологем времени. Они бы помешали восприятию подлинной стихии, проникновению *живого* в ткань повседневной речи.

Возможно, и в другом сюжете из переписки Т. Г. Винокур и А. И. Солженицына он следовал далевским призывам к обогащению народной речью не только разговорного языка, какой мы применяем в повседневном общении, но видел необходимость в упрощении научной стилистики, которая, по мнению писателя, все более начала походить на «выработавшийся жаргон», где «смыслу почти не за что уцепиться». Так, например, говоря о работах по языкозна-

нию, он заметил, что эта наука наиболее тесно примыкает «к повседневной жизни общества», и предъявил к ней «те же требования, что к геологии и медицине: термины – терминами, а все ж где только можно сказать попроще, поясней, да посочней, чтоб не только без словаря понять, а скромно-грамотному человеку даже можно б и насладиться – вот так и пишите!» [Там же: 311].

Как и В. И. Даль, А. И. Солженицын опирался в своем выборе слова на языковое чутье и почти гносеологическую ценность конкретной части речи в культурном пространстве, но при этом критиковал В. И. Даля за неполноту представления географии движения говоров: «Повышенное внимание я уделял наречиям и отглагольным существительным мужского и женского рода, ценя их энергию. Я опирался на личное языковое чутьё, примеряя, какие слова ещё не утеряти своей доли в языке или даже обещают гибкое применение. И когда таким словом я находил областное, старинное или церковное – я и включал его, часто без ограничительной ссылки: по их неутерянной выразительности такие слова имеют достоинство к жизни и распространению. К тому же у Даля областные указания естественно неполны: он указывает губернию, где достоверно слышал, однако слово живёт и в других областях, я обнаруживал такие случаи» [Солженицын 1990: 4].

Не полностью разделяет А. И. Солженицын идею гнездового расположения слов у В. И. Даля. Писателю не нравились «алфавитные шатания» в тексте, которых было не избежать в таких случаях. Но все же полностью он не отказывается от этого приема, чтобы рельефнее выделить изменения в слове, показать, в чем состоял смысл этой народной игры в «филологию духа». Вот как он размышлял: «Но, следуя Далю, я располагал рядом с глаголами некоторые производные от них глаголы с приставками (собранные вместе, они более наглядны), наречия от основного слова, производные формы со сменой коренной гласной или слова, присоединяемые по ассоциации, по противоположности – для углубления впечатления. Чаще бывает важнее стык и последовательность по взаимной связи соседних слов. Таким образом, предлагаемый словарь предназначен не для розыска по алфавиту,

не для справок, а для чтения, местами подряд, или для случайного заглядывания» [Там же: 5].

А. И. Солженицын попытался усовершенствовать подход В. И. Даля к высвечиванию корнесловия в языке, руководствуясь прежде всего тем, чтобы сохранить *смысл* (это слово для писателя является ключевым, едва ли не самым частотным при объяснении концепции издания). Вот что он об этом писал: «Часто Даль даёт яркие слова – походя, не на своём месте, где они должны бы стоять (например, *беспокойно*), а на месте – не даёт их, я пытался некоторые возвращать в алфавит, как и некоторые слова из крупных гнезд, если они сильно отскакивают по смыслу» [Там же: 6].

Хорошо сказал о парадоксе «Даля – Солженицына» современный критик М. Эпштейн: «Если Даль – романтик национального духа и языка и почти бессознательный мистификатор, то Солженицын сознательно усиливает эту далевскую интуицию и по линии кропотливой реставраторской работы (черпает у Даля), и по линии модернистского изыска (отбирает только не вошедшее широко в язык, самое „далевское“ у Даля)» [Эпштейн 2000: 128].

Как мы смогли проследить, филологическая рефлексия слова у В. И. Даля и А. И. Солженицына во многом схожа. Писатель не копирует структуру издания XIX в., а творчески по-своему перестраивает концепцию предшественника, приспособляя ее для нужд современного общества. Это своеобразное вхождение в «дух слова» предполагает отклик извне. Неслучайно автор надеется и на интуицию читателя. Потому в книге А. И. Солженицына объяснительная часть минимальна, а во многих случаях, при словах вроде *беспогрешный* [Солженицын 1990: 16]¹, *воспретительный*, *воссоздатель* (с. 36), *захвальщик* (с. 78), *обнеряшиться* (с. 143) и т. д., вообще отсутствует.

3. «Языковое расширение» и проблема оживления народной речи.

Итак, одна из основных задач А. И. Солженицына состояла в том, чтобы оживить народное слово, придать ему движение, развернуть в сторону нового времени, проглатывающего тысячи интертекстов, но часто забывающего

лучшие традиции словесной культуры прошлого.

Исследователи творчества А. И. Солженицына по-разному трактуют его концепцию «языкового расширения» и даже сравнивают подход писателя, например, с поэтом В. Хлебниковым. Общим у них признается «неприятие иноязычных заимствований, ориентация на диалекты, говоры и родственные славянские языки» [Иванюшина 2009: 90].

Известный литературовед П. Е. Спиваковский целый раздел в своей книге о творчестве А. И. Солженицына назвал «Лексическое расширение», где вместе с другими исследователями размышлял об этом феномене. Что это: «радикальная ломка уже существующего языка» или «осторожное словарное расширение»? [Спиваковский 1998: 84]. Основываясь на обзоре языковых особенностей его художественных произведений и мнении авторитетных зарубежных ученых (в частности, В. В. Карпович), П. Е. Спиваковский приходит к выводу, что А. И. Солженицын применял прием пароматического «расширения» семантики слова [Там же: 87].

С другой стороны, ученые отмечают повышенный интерес А. И. Солженицына к окказиональному слову [Князькова 2009; Коваленко 2009], которое, как мы полагаем, тоже является звеном в авторской «семантике расширения». Дополнив свою книгу выжимками из произведений писателей и поэтов разных школ и поколений, у всех он выбирал именно такие необычные лексемы: *скользина* – из Шмелева (с. 224), *смуричь* – из Ремизова (с. 228), *конский топ* – из Пушкина (с. 242), *шурк* (вид шороха) – из Мельникова-Печерского (с. 264), *ялда* (о большом, неуклюжем) – из Клычкова (с. 266). При этом, по мнению К. В. Коваленко, если сравнивать словарные статьи В. И. Даля и прозу А. И. Солженицына, то «обычно нейтрально-стилистическая лексика Даля в языке произведений Солженицына выступает экспрессивно-оценочной» [Коваленко 2009: 133].

Показательно, что писатель органично соединяет народное творчество собирателя диалектов XIX в. В. И. Даля и слова-самородки из произведений русских и советских авторов. Из последних он особенно выделяет В. Г. Распу-

¹ Далее ссылки на примеры из «Русского словаря языкового расширения» А. И. Солженицына даются в круглых скобках без обозначения источника.

тина, поместив в качестве «Добавления» к книге несколько десятков его новообразований вроде *безбрежье*, *безгордый*, *бескрасый*, *великогневный*, *выструниться*, *голоземье*, *в заблуде*, *изначалье*, *разночудье*, *рисунчато*, *староречие*, *ухожистый* (с. 267) и др. Можно сказать, что А. И. Солженицын проводит словесный диалог во времени, дает понять, что старинные обороты удачно приживаются и в современной литературе. Не меньший интерес у него к слову Е. Замятина и И. Шмелева. Последний был выразителем русскости в стилистике, в принципах описания и художественной манере. Стоит согласиться с И. Ю. Малыгиной, что «через слово Шмелева раскрывались особенности русской жизни, традиции, быт, нравы, православное сознание и мировосприятие. Солженицын выделил десятки слов из произведений И. Шмелева, попавших на страницы словаря: „доброусердие“, „незнанный“, „проспор“, „неразлучники“, „повоздержитесь“, „омоленный“, „опаско“, „первопоследний“. Однако в своем литературном наследии Солженицын использовал только одно слово – „потайно“» [Малыгина 2016: 38].

Можно отметить и другие приемы, с помощью которых он решал задачу «языкового расширения». Например, поиск благозвучных слов, смысл которых был бы понятен говорящим на русском языке как родном, даже если они никогда не слышали их в современном обиходе. Сравним: «**переварганить** – переделать (о работе невысокого качества)» (с. 167), «**перловый** блеск – жемчужный, белый с сизым отливом» (с. 174), «**пращуры** – родители прапрадеда, прапрабабки» (с. 196) и др. Некоторые из них вдруг неожиданно всплывают в XXI в. и не кажутся нам устаревшими: «**удариться** в торговлю, в игру, в писательство» (с. 247). Такой подход к отбору слов некоторые исследователи назвали принципом «живых морфем» [Спиваковский 1998: 88].

Это позволяло современному читателю полагаться на филологическое чутье, заставить «электронный» разум работать в нужном направлении, научить коренного носителя языка распознавать свое и чужое в речи. Ее засоренность модными англицизмами, терминами, сложными синтаксическими конструкциями, избыточность пунктуации он не воспринимал. А главное, о чем мечтал Александр Исаевич, –

чтобы звучащая речь «дышала» [Крысин 1993: 35], не употреблялась бессознательно, чтобы в ней чувствовалась «сочность» (это слово А. И. Солженицын не раз использует в своих работах).

Писатель включил и отдельные выражения, использовавшиеся в речи в прежнюю эпоху, тем самым показывая необходимость сохранения выразительных оборотов, например: «**ноне удволил** нас хлебом Господь» (с. 247), «**я не удволюсь** решением суда» (Там же), «**путь** вам **чистый!** (пожелание на дорогу)» (с. 261), «**что** добра в них!» (Там же), «эк **нашустрился!**» (с. 264) и др.

А. И. Солженицын мог и придумывать красивые сюжеты – сделать искусственное образование настолько природным, гармоничным, что кажется, будто так действительно говорили или писали. Он как бы *прилаживает* слово, встраивает его в цепочку народной традиции, иногда немного исправляя фонетическую оболочку. Этот прием он отчасти заимствовал у В. И. Даля. Сравним: у А. И. Солженицына – *ловкосилие* (с. 103), у В. И. Даля – *ловкосилье* [Даль 1989б: 350]. Здесь имеется в виду замена общеизвестного, но иноязычного слова «гимнастика» славянскими компонентами. В. И. Даль, кстати, признал, что это слово «моего сочиненья» [Даль 1989а: ХСХVI]. Или на с. 126: *насыл*, *насылка* (действие по глаголу) – без объяснения у А. И. Солженицына, у В. И. Даля – *насылка* понималась в значениях «послание», «надпись на письме, посылке», «адрес» [Даль 1989б: 479].

В «Русский словарь» А. И. Солженицын поместил не просто картинки старинной речи, а, говоря по-современному, лингвоэзотику. Стоит поразиться автору, его вере в жизненную силу таких архаизмов, как *корнавка* = куртка (с. 95), *неразнимок* – «вещица цельная, дальше не делимая» (с. 134) и проч.

Интересно в этой связи наблюдение М. Эпштейна, заглянувшего в словарную лабораторию А. И. Солженицына и увидевшего в ней те переплетения и подсмислы, которые звучат так естественно и красиво, что практически незаметна лингвистическая работа писателя над творением В. И. Даля: «И хотя солженицынский словарь всего лишь эхо („отбой“ или „наголосок“) далевского – а точнее, именно поэтому, – в нем выдвинуто на первый план

не собирательское, а изобретательское начало, „расширительное“ введение в русский язык тех слов, которые мыслятся самыми “исконными” по происхождению, а значит, и наиболее достойными его освежить. За время своего „значимого отсутствия“ из русского языка они не столько состарились, сколько обновились, и если у Даля они представлены как местные, областные, архаические, диалектные, народные, разговорные слова, то у Солженицына они предстают как именно однослова, крошечные произведения, сотворенные в том же стиле и эстетике, что и солженицынские повести и романы» [Эпштейн 2000: 128].

Словесные эксперименты А. И. Солженицына, писательские приемы и языковые способы воздействия на читателя включены в концепцию «сбережения народа» и понимания его роли в истории (см.: [Щедрина 2013, 2014]). Художественное сознание Александра Исаевича здесь переключается с природным – языковым – и все время ищет и находит опору в народе, в слове которого отпечаталась память веков.

4. Необычное в «Русском словаре».

Лексикографическое сочинение А. И. Солженицына необычно по замыслу и исполнению, хотя на первый взгляд очевиден исторический фон, ясен прототип, а опыт В. И. Даля прямо просматривается в реализации концепции «Русского словаря». Какие интересные моменты мы можем почерпнуть из писательского опыта?

Прежде всего это книга для чтения, а не научное исследование в его традиционном ключе. Поэтому она обращена к широкой аудитории для того, чтобы воспитать в ней чувство слова, привить любовь к родной речи, воскресить угасшие частички духовного облика мира человека. Мы бы сказали, что писатель был преисполнен гуманистических принципов при подготовке книги, ведь Словарь В. И. Даля прежде всего читали, а потом уже изучали. В этом отношении работа А. И. Солженицына находится на стыке двух полей «учености»: она по сути напоминает лучшие художественные образцы классиков словесности XIX–XX вв., тоже отвлекавшихся на просветительские идеи и создававших в своем жанре книги, как говорили раньше, «для душевнополезного чте-

ния». Известен, например, опыт Л. Н. Толстого с его «Кругом чтения» и «Путем жизни» – философско-религиозными и этическими наблюдениями о нравственной природе человека. Только там представлены мысли великих. А у А. И. Солженицына в этой роли выступает обычный человек, народ – тот, кто творит свой язык и является главным источником писательского вдохновения. «Русский словарь», как и далевский тезаурус, – это памятник мудрому живому слову.

Другая особенность заключается в том, что в книге мы почти не встретим некрасивые, блеклые, неэмоциональные и необразные слова, которые не вызывают отзвука в душе, не рожают ассоциаций, не заставляют читателя самому «соображать». При работе над изданием, как и в творческой деятельности, писателя заботило «расширение словарного клина» (из письма А. И. Солженицына Т. Г. Винокур) [Капанадзе 1996: 310], а значит, и общекультурного смысла слова. Не конкретное в языке, а абстрактное, вытекающее из почти вещественной формы, говорящей самой за себя, он выставлял на «витрину» «Русского словаря». Как прекрасны, нежны и в изобразительном отношении высоки такие оформленные слова и выражения обыденной речи, которые приводил А. И. Солженицын: «**подполочье** – простор под полками» (с. 183), «**самовер** – тот, кто создал веру по своему разумению», «**самородковый дурак**» (с. 218), «**рассватали** – разладили свадьбу» (с. 219), «**тиходом, тиходомок** – домосед, кроткий» (с. 241), «**укладный** – сговорчивый, миролюбивый [о человеке]» (с. 248). В них художественная стихия выходит на первый план. Такое народное словосочинение, богатство оттенков корней, суффиков и приставок, соединенных вместе, давало жизнь новому слову, возникавшему по наитию, чувству и душевному расположению простого человека. Оно шло от его нравственной природы. Этот феномен речевой культуры А. И. Солженицын отлично выделил и закрепил в «Русском словаре». М. Эпштейн справедливо замечал: «В целом Даль, как и Солженицын, предпочитает не рубить и скрещивать корни, но работать с приставками и суффиксами, то есть брать „одно, главное понятие“, плавно поворачивая его иной гранью. Типичные далевско-солженицынские словообразования: „влю-

боваться в кого – любуясь, пристраститься“, „издивоваться чему“, „остойчивый – твёрдый в основании, стоящий крепко“, „выпытчивая бабёнка“, „размысловая голова – изобретательная“ и т. п. Никаких резких разломов и сращений в строении слова – лишь перебрать крышу или достроить сени, но ни в коем случае не менять основы, не переносить дом на новое место» [Эпштейн 2000: 130].

Наличие многочисленных приставок для А. И. Солженицына – не просто желание показать богатство и гибкость возможностей языка «переворачивать» смысл с помощью такого, казалось бы, «второстепенного» элемента. Этим он хотел обратить внимание читателей на живость, «сочность» народной речи, ее смыслоразличительные характеристики. Он и в прозе применял похожий прием – производил замену приставок и суффиксов, сохраняя корни. Г. П. Семёнова привела такие примеры в его текстах, когда были сокращены одни компоненты слова (*нудить* вместо *принудить*, *в запрошлом* вместо *в позапрошлом*, *мир тусторонний* вместо *мир потусторонний*) или, наоборот, добавлены другие (*промечаются*, *охлынуло*) [Семёнова 1996: 25]. Ср. в «Русском словаре»: **прометчивый** – легкомысленный, неосторожный» (с. 203), *охлын* (действие по глаголу) (с. 162).

Согласимся с П. Е. Спиваковским, который в словотворчестве А. И. Солженицына видел оригинальный авторский подход к описанию речи, выразившийся еще и в том, что он создал «принципиальную художественную (курсив наш. – О. Н.) независимость „необычных“ слов» [Спиваковский 1998: 91].

В книге есть два приложения: «О лошадях» и «Некоторые бранные слова», завершающие издание. Почему автор не включил их в основной словник? Ответ на этот вопрос, скорее всего, может лежать в плоскости солженицынского видения слова как проявления мировоззрения, характера человека, его отношений к домашним животным, составлявшим единый с ним быт. С лошадьми-кормилицами владельцы разговаривали *человеческим* языком, нарекали их показательными именами в зависимости от нрава и поведения, любовались их красотой, сочиняли о них песни, создавали образы в сказках и т. д. Чрезвычайно пестрая картина цветообозначения лошадей у А. И. Сол-

женицына: «**гнедая** – рыжая, бурая, а навис чёрный», «**гнедочалая** – гнедая с проседью или с седой гривой», «**голубая** – пепельного цвета, мышастая», «**игреня** – рыжая с беловатым нависом», «**изабеловая** – светловолосая, изжелта белесоватая» (с. 268), «**караковая** – вороная с подпалинами (желтизною на морде и пахах)», «**каурая** – рыжая впрожелть, навис такой же или светлей», «**крапчатая** лошадь (в горчице)», «**мухортая** лошадь – с жёлтыми подпалинами на морде, в пахах», «**пегая** – пятнастая, в больших белых пятнах (или тёмных пятнах по светлomu), двуцветная» (с. 269), «**саврасая** – рыжая впрожелть, навис чёрный; светлогнедая с желтизною» (с. 270) и т. д. Интересно, какими лексемами отмечен нрав лошадей в «Русском словаре», например: «**обнукается** кляча – и кнута не боится», «**обротчивая** лошадь – смиренная, которую легко обротать», «**обскачливая** лошадь – не дающая себя обогнать», «**осадчивый** конь – послушный на попятку, мягкий на удила» (с. 269), «**поимчивый** конь – который легко даётся в руки», «**скопоской** конь – пугливый, взбалмошный» (с. 270), «**стромкая** лошадь – горячая, рьяная» (с. 271). Кроме этого, А. И. Солженицын подмечал особенности упряжи, клички, давал специфические слова из разговорного лексикона вроде «**напотил** коней – так гнал», «**изнукали** коней» (с. 268), «**угоил** ты лошадку! – загнал» (с. 271). В последнем примере есть примечание автора: «ироническое». Можно сказать, что писатель собрал краткую энциклопедию практического коневодства – так дорога и близка ему была эта тема, которая, кажется, еще со времени Ломоносова (вспомним сюжет из стихотворения «О сомнительном произношении буквы г», где в одной строфе есть целый набор лошадиных свойств: *Угрюмы взглядами, игрени, пеги, смуглы...*) вдохновляла творцов слова и художников на создание образов времени.

Оценивая прежде всего с общекультурной точки зрения «Грамматические соображения» А. И. Солженицына, которые он применил в издании одного из собраний сочинений, Л. П. Крысин справедливо заметил: «Ему тесны традиционные правила грамматики; установившиеся каноны орфографии и пунктуации кажутся недостаточными и потому не всегда пригодными для точной передачи в тексте слова, высказывания, диалога. Он раздвигает

рамки правил, совершенствует – а то и разрушает – каноны и при этом нередко входит в противоречие с нормой языка» [Крысин 1993: 35]. Этот же подход писатель, как мы видим, использовал в отборе и переработке слов из далевского тезауруса.

Во втором приложении автор поместил бранные слова, но не любые, а «некоторые» – то есть такие, можно предположить, какие стоит использовать в литературе (опыт переделки далевского Словаря И. А. Бодуэном де Куртенэ в части вставки нецензурных слов был для А. И. Солженицына неприемлем). Они обладают свойствами красивой речи, могут применяться в шуточных разговорах, с доброй иронией, часто относятся к общему роду, например: «**валява** – кто лежит и ест», «**глупеня**», «**добывашка**», «**зачупаха**», «**мимозыря**», «**неповорота**», «**неумывака**» (с. 272) и др. Отличительная черта таких слов – эмоциональная наполненность, «энергия», как выразился бы А. И. Солженицын, и осязаемая форма, говорящая об обладателе нелицеприятного прозвища: «**голощап** – голоштаник», «**жабёнок** – злое дитя», «**крапивное отродье**», «**плешак**» (Там же) и т. д. Писатель ввел несколько сочных выражений бранной речи: «**Голова-два-уха!**» (из Замятина), «**Ладило б тебя на осину!**», «**Чтоб тебе на ноже проторчать!**», «**Чего глаза остробучишь!**», «**Что плошки уставил?**» (Там же). Указанные слова и обороты речи несколько не совпадают с теми дополнениями И. А. Бодуэна де Куртенэ, которые появились в третьем издании. Допустить социальную дискредитацию языка, а значит, и его носителя А. И. Солженицын не мог – слишком много таких разрушительных примеров было в его памяти...

Если говорить коротко, то в «Русском словаре» всё необычно: отбор и характеристика лексических единиц, изобразительная выпуклость семантики, тонкое языковедческое чутье автора, позволившие ему *выстрадать* эти слова, прежде чем вынести их на суд читателей. Может быть, еще и поэтому его книга сейчас привлекает такое внимание исследователей, анализирующих солженицынский словарь как феномен языковой культуры и защитивших на эту тему диссертации (см., например: [Мельникова 1996, 2004]). Согласимся с писателем, что чтение его книги тренирует память, раздвигает ее словесные границы. Это отлич-

ная «гимнастика ума» по-солженицынски. Он действительно создал интересный прецедент в филологии – показал, как можно оживить ушедшее явление, а вместе с ним и утраченную культуру речи. Вся его книга – это художественно осмысленный образ языка, закрепленного в природной материи народа.

5. Заключение.

«Русский словарь языкового расширения» – оригинальный лексикографический опыт талантливого, вдумчивого писателя, неравнодушного к стихии народной речи, охранявшего ее от пагубного воздействия новояза и модных течений в современной культуре. Автор представил свой эксперимент метафилологического прочтения «Толкового словаря» В. И. Даля и произведений русских писателей и поэтов XIX–XX столетий и попытался реставрировать забытые красивые слова и выражения традиционной культуры как ментальный образ времени. В этом смысле методика «лингвистического хронотопа» А. И. Солженицына (здесь тоже представлено в некотором роде художественное произведение в его отношении к действительности, четко обозначены категории пространства и времени) может быть использована в обработке и осмыслении других лексикографических источников: «Словаря русского языка» Грота-Шахматова, «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и т. д., запечатлевших на своих страницах словесный быт определенной эпохи, ее базовые ценности.

При изучении «Русского словаря» может возникнуть вопрос: «Где здесь А. И. Солженицын-писатель, а где – лексикограф?» Думается, что не совсем корректно искать на него ответ, потому что перед нами *словесность* в её самом высоком понимании, когда нет строгой научности и всех атрибутов академического авторского лексикона, но есть *образ* и *смысл*. Их очертания просматриваются в каждом абзаце, оживляют его и воссоздают безыскусный стержень языка. Значит, они, эти слова, «так пропущены через опыт „второтолкователя“, что, каждое по-своему, становятся парафразами огромного текста по имени Солженицын. Сам Солженицын, может быть, и не имел в виду тех смысловых оттенков, которые мы приписываем ему, – но подлинно художественный текст всег-

да умнее автора, и слова в солженицынском словаре сами говорят за себя, кричат о том, о чем автор молчит» [Эпштейн 2000: 129].

«Русский словарь языкового расширения» сейчас не только воспринимается как интересный лексикографический опыт авторского прочтения классического тезауруса, но и анализируется с других позиций: с точки зрения внимания к языковой личности писателя и воссоздания речевого портрета автора [Черняк 2019], сквозь призму психолингвистического эксперимента [Гуц 2019] и даже имеет практическое применение в виде задач на олимпиадах по русскому языку. Значит, идея А. И. Солженицына будет жить и за пределами филологии и когда-нибудь получит общественное признание, а облик современного русского интеллигента будут определять в том числе по набору языковых средств в речевом поведении и прецедентных текстов [Крысин 2021: 221–227, 231–232]), одним из которых обязательно должен быть «Русский словарь» А. И. Солженицына.

Не только личности, общественные события, но и словари формировали национальную языковую картину мира, перерабатывали ин-

теллектуальный опыт поколений, делали актуальными или же отправляли в архив истории отдельные понятия и явления, сохраняя для потомков редкие факты из жизни слов – формировали культурно-языковой код эпохи. Так что книга А. И. Солженицына, кроме собственно лингвистической и познавательной ценности, обладает еще иной, более высокой гносеологической семантикой: она учит видеть и распознавать устаревшие слова, чувствовать красоту обыденной речи простых людей, в образе мышления которых закреплялся «дух народа», беречь их сокровенный дар языка, понимать «механизмы благогласия» (ср.: [Необычный словарь... 2018]). Еще она учит ценить филологическую классику как подлинную литературу, которая теперь, в XXI столетии, имеет особый герменевтический смысл: она связывает прошлое и настоящее, мысль и текст, автора и ситуацию. Эксперимент А. И. Солженицына оказался весьма удачным и, надеемся, будет способствовать распространению подобной практики в создании источников нового типа – так называемых «ментальных» словарей.

Литература

- Винокур, Т. Г. О языке и стиле повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» / Т. Г. Винокур. – Текст : электронный // Русский язык – Первое сентября. – 2008. – № 23 (1–15 декабря). – С. 19–27. – URL: https://rus.isert.ru/view_article.php?ID=200802305 (дата обращения: 10.11.2021).
- Гуц, Е. Н. «Русский словарь языкового расширения» А. И. Солженицына через призму психологического эксперимента / Е. Н. Гуц // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2019. – № 2 (36). – С. 15–18. – DOI: 10.17238/issn1998-5320.2019.36.15.
- Даль, В. И. Ответ на приговор / В. И. Даль // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – М. : Русский язык, 1989а. – С. XCIV–XCVI.
- Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2 / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1989б. – 782 с.
- Иванюшина, И. Ю. Две концепции «языкового расширения»: А. Солженицын и В. Хлебников / И. Ю. Иванюшина // А. И. Солженицын и русская культура. Вып. 3. – Саратов : Издательский центр «Наука», 2009. – С. 86–95.
- Капанадзе, Л. А. Три письма А. И. Солженицына Татьяне Григорьевне Винокур / Л. А. Капанадзе // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. – М. : Наука, 1996. – С. 308–311.
- Карпович, В. В. Исследование новообразований и далевских слов у Солженицына / В. В. Карпович // Грани. – 1974. – № 94. – С. 236–266.
- Князькова, В. С. Оказиональная лексика художественного произведения (на материале рассказа А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и его переводов на словацкий язык) / В. С. Князькова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. – 2009. – Вып. 2. Ч. 1. – С. 74–82.
- Коваленко, К. В. Семантика окказиональной лексики языка произведений А. И. Солженицына и «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля / К. В. Коваленко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 103. – С. 126–134.
- Крысин, Л. П. Александр Солженицын о языке / Л. П. Крысин // Русская речь. – 1993. – № 2. – С. 35–49.
- Крысин, Л. П. Очерки по социолингвистике / Л. П. Крысин. – М. : ФЛИНТА, 2021. – 360 с.
- Малыгина, И. Ю. «Русский словарь языкового расширения» А. И. Солженицына как форма «Диалога» с русскими писателями XX в. (А. Солженицын, Е. Замятин, И. Шмелев) / И. Ю. Малыгина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2016. – № 1 (55). В 2-х ч. Ч. 2. – С. 34–39.
- Мельникова, С. В. Лексический потенциал языка в оценке А. И. Солженицына : на материале «Русского словаря языкового расширения» : дис. ... канд. филол. наук. – Самара : Самарский гос. пед. ун-т, 1996. – 204 с.
- Мельникова, С. В. О роли слов лексического потенциала в идиостиле А. И. Солженицына (на примере лексико-словообразовательных диалектизм «Русского словаря языкового расширения») / С. В. Мельникова //

А. И. Солженицын и русская культура. Научные доклады. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2004. – С. 259–263.

Необычный словарь русского языка : библиографический очерк / сост. М. Г. Сороколетова. – Курск : Курская обл. науч. б-ка им. Н. Н. Асеева, 2018. – 22 с.

Семёнова Г. П. «Чтобы слова не утекали как вода...» (О языке произведений А. Солженицына) / Г. П. Семёнова // Русская речь. – 1996. – № 3. – С. 19–28.

Солженицын, А. И. Русский словарь языкового расширения / А. И. Солженицын. – М. : Наука, 1990. – 272 с. Спиваковский, П. Е. Феномен А. И. Солженицына: новый взгляд : (К 80-летию со дня рождения) / П. Е. Спиваковский. – М. : ИНИОН РАН, 1998. – 135 с.

Черняк, В. Д. Речевой портрет автора и метаязыковая деятельность персонажей (на материале творчества А. И. Солженицына) / В. Д. Черняк // Филология в XXI веке. – 2019. – № 5. – С. 305–310.

Шестакова, Л. Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность / Л. Л. Шестакова. – М. : Языки славянских культур, 2011. – 404 с.

Шестакова, Л. Л. Новое в русской авторской лексикографии: по материалам словарей последних лет / Л. Л. Шестакова // Verba: Северо-Западный лингвистический журнал. – 2021. – № 1 (1). – С. 35–49. – DOI: 10.34680/VERBA-2021-1(1)-35-49.

Щедрина, Н. М. Повесть «Один день Ивана Денисовича» и концепция «сбережение народа» А. Солженицына (К 50-летию выхода повести из печати) / Н. М. Щедрина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2013. – № 1. – С. 36–40.

Щедрина, Н. М. Концепция истории России в художественном сознании А. И. Солженицына / Н. М. Щедрина // Наследие А. И. Солженицына в современном культурном пространстве России и зарубежья (к 95-летию со дня рождения писателя): сборник материалов Международной научно-практической конференции / отв. ред.: А. А. Решетова. – Рязань: Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, 2014. – С. 38–44.

Эпштейн, М. Слово как произведение: о жанре однослова / М. Эпштейн. – Текст : электронный // Новый мир. – 2000. – № 9. – С. 124–131. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2000_9/Content/Publication6_4281/Default.aspx (дата обращения: 18.11.2021).

References

Chernyakh, V. D. (2011). Rechevoi portret avtora i metazykovaya deyatel'nost' personazhei (na materiale tvorchestva A. I. Solzhenitsyna) [Speech Portrait of the Author and Metalanguage Activity of the Characters (Based on the Material of A. I. Solzhenitsyn's Creativity)]. In *Filologiya v XXI veke*. No. 5, pp. 305–310.

Guts, E. N. (2019). "Russkii slovar' yazykovogo rasshireniya" A. I. Solzhenitsyna cherez prizmu psikhologicheskogo eksperimenta ["Russian Dictionary of Language Extension" by A. I. Solzhenitsyn Through the Prism of a Psychological Experiment]. In *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*. No. 2 (36), pp. 15–18. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2019.36.15.

Dahl, V. I. (1989a). Otvet na prigovor [Response to the Verdict]. In *Dahl V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. Vol. 1. Moscow, Russkii yazyk, pp. XCIV–XCVI.

Dahl, V. I. (1989b). *Tolkovnyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 2. Moscow, Russkii yazyk. 782 p.

Epshstein, M. (2000). Slovo kak proizvedenie: o zhanre odnosloviya [The word as a work: about the genre of one-word]. *Novyi mir*. No. 9. pp. 124–131. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2000_9/Content/Publication6_4281/Default.aspx (mode of access: 18.11.2021).

Ivanyushina, I. Yu. (2009). Dve kontseptsii "yazykovogo rasshireniya": A. Solzhenitsyn i V. Khlebnikov [Two Concepts of "Language Expansion": A. Solzhenitsyn and V. Khlebnikov]. In *A. I. Solzhenitsyn i russkaya kul'tura*. Issue 3. Saratov, Izdatel'skii tsentr "Nauka", pp. 86–95.

Kapanadze, L. A. (1996). Tri pis'ma A. I. Solzhenitsyna Tatiana Grigoryevne Vinokur [Three Letters of A. I. Solzhenitsyn to Tatiana Grigoryevna Vinokur]. In *Poetika. Stilistika. Yazyk i kul'tura. Pamyati Tatiiny Grigoryevny Vinokur*. Moscow, Nauka, pp. 308–311.

Karpovich, V. V. (1974). Issledovanie novoobrazovaniy i dalevskikh slov u Solzhenitsyna [The Study of Neoplasms and Dahl's Words in Solzhenitsyn's Writings]. In *Grani*. No. 94, pp. 236–266.

Knyaz'kova, V. S. (2009). Okkazonal'naya leksika khudozhestvennogo proizvedeniya (na materiale rasskaza A. I. Solzhenitsyna "Odin den' Ivana Denisovicha" i ego perevodov na slovatskii yazyk) [Occasional Vocabulary of a Writing (Based on the Material of A. I. Solzhenitsyn's Short Story "One Day of Ivan Denisovich" and Its Translations into Slovak)]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 9. Issue 2. P. 1, pp. 74–82.

Kovalenko, K. V. (2009). Semantika okkazonal'noi leksiki yazyka proizvedeniya A. I. Solzhenitsyna i "Tolkovogo slovara zhivogo velikoruskogo yazyka" V. I. Dalya [Semantics of the Occasional Vocabulary of the Language of the Writings by A. I. Solzhenitsyn and the "Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language" by V. I. Dahl]. In *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im A. I. Gertsena*. No. 103, pp. 126–134.

Krysin, L. P. (1993). Aleksandr Solzhenitsyn o yazyke [Alexander Solzhenitsyn about Language]. In *Russkaya rech*. No. 2, pp. 35–49.

Krysin, L. P. (2021). *Ocherki po sociolingvistike* [Essays on Sociolinguistics]. Moscow, Flinta. 360 p.

Malygina, I. Yu. (2016). "Russkii slovar' yazykovogo rasshireniya" A. I. Solzhenitsyna kak forma "Dialoga" s russkimi pisatelyami XX v. (A. Solzhenitsyn, E. Zamyatin, I. Shmelev) ["Russian Dictionary of Language Extension" by A. I. Solzhenitsyn as a Form of "Dialogue" with Russian Writers of the XX Century (A. Solzhenitsyn, E. Zamyatin, I. Shmelev)]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota. No. 1 (55). Part 2, pp. 34–39.

Meĭnikova, S. V. (1996). *Leksicheskiĭ potentsial yazyka v otsenke A. I. Solzhenitsyna: na materiale "Russkogo slovarya yazykovogo rasshireniya"* [The Lexical Potential of the Language in the Assessment of A. I. Solzhenitsyn: Based on the Material of the "Russian Dictionary of Language Extension"]. Diss. ... k. filol. nauk. Samara, Samarskii gos. ped. un-t. 204 p.

Meĭnikova, S. V. (2004). O roli slov leksicheskogo potentsiala v idiosstile A. I. Solzhenitsyna (na primere leksiko-slovoobrazovatel'nykh dialektizmov "Russkogo slovarya yazykovogo rasshireniya") [On the Role of Words of Lexical Potential in the Idiostyle of A. I. Solzhenitsyn (on the Example of Lexical and Word-Formation Dialectisms of the "Russian Dictionary of Language Extension")]. In *Solzhenitsyn i russkaya kul'tura. Nauchnye doklady*. Saratov, Isdateĭstvo Saratovskogo universiteta, pp. 259–263.

Semenova, G. P. (1996) "Chtoby slova ne utekali kak voda..." (O yazyke proizvedenii A. Solzhenitsyna) ["So That Words Don't Flow Away Like Water..."] (About the Language of A. Solzhenitsyn's Works)]. In *Russkaya rech'*. No. 3, pp. 19–28.

Shchedrina, N. M. (2013). "Odin den' Ivana Denisovicha" i kontseptsiya "sberezhenie naroda" A. Solzhenitsyna (K 50-letiyu vykhoda povesti iz pechati) ["One Day of Ivan Denisovich" and the Concept of "Saving the People" by A. Solzhenitsyn (For the 50th Anniversary of the Story's Publication)]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Series: Russian philology*. No. 1, pp. 36–40.

Shchedrina, N. M. (2014). Kontseptsiya istorii v khudozhestvennom soznanii A. I. Solzhenitsyna [The Concept of the History of Russia in the Artistic Consciousness of A. I. Solzhenitsyn]. In *Nasledie A. I. Solzhenitsyna v sovremennom kul'turnom prostranstve Rossii i zarubezhja (k 95-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya)*. Ryazan', RGU imeni S. A. Esenina, pp. 38–44.

Shestakova, L. L. (2011). *Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremennost'* [Russian Author's Lexicography: Theory, History, Modernity]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 404 p.

Shestakova, L. L. (2021). Novoe v russkoi avtorskoi leksikografii: po materialam slovari poslednikh let [New in Russian Author's Lexicography: Based on the Materials of Dictionaries of Recent Years]. In *Verba*. No. 1 (1), pp. 35–49. DOI: 10.34680/VERBA-2021-1(1)-35-49.

Solzhenitsyn, A. I. (1990). *Russkii slovar' yazykovogo rasshirenia* [Russian Dictionary of Language Extension]. Moscow, Nauka. 272 p.

Sorokoletova, M. G. (Comp.). (2018). *Neobychnyi slovar' russkogo yazyka: bibliograficheskii ocherk* [An Unusual Dictionary of the Russian Language: a Bibliographic Essay]. Kursk, N. N. Aseev Kursk regional scientific library, 2018. 22 p.

Spivakovskii, P. E. (1988). *Fenomen A. I. Solzhenitsyna: novyi vzglyad: (K 80-letiyu so dnya rozhdeniya)* [The Phenomenon of A. I. Solzhenitsyn: a New Look: (To the 80th Anniversary of His Birth)]. Moscow, INION RAN, 1998. 135 p.

Vinokur, T. G. (2008). O yazyke i stile povesti A. I. Solzhenitsyna "Odin den' Ivana Denisovicha" [About the Language and style of A. I. Solzhenitsyn's Novel "One Day of Ivan Denisovich"]. In *Russkii yazyk – Pervoye sentyabrya*. No 23, pp. 19–27. – URL: https://rus.1sept.ru/view_article.php?ID=200802305 (mode of access: 10.11.2021).

Данные об авторе

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Институт филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).

Адрес: 185910, Россия, Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

E-mail: olnikitin@yandex.ru.

Authors' information

Nikitin Oleg Viktorovich – Doctor of Philology, Professor of Department of the Russian Language, Institute of Philology, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).